

С.В.Бердинских

ФИНА

18+

Степан Бердинских

Фина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34339089

SelfPub; 2018

Аннотация

Фантастическая повесть о том, как однажды девушку Фину стал затягивать таинственный мир снов, заполняя собой реальность. Рисунок на обложке автора.

По блестящим рельсам, набирая скорость и гудя свистком, неспешно скользил паровоз, выбрасывая тяжёлые клубы дыма за красную стальную спину. Прильнув к окну вагона номер пять, Луффа и Марлотий улыбались бегущей за ними девчонке – Фине. Стуча каблуками по оранжевому асфальту, я махала папе и маме, крича вдогонку: «Мамуля! Папуля! Я напишу вам! Папуля! Мамуля!». Выбившись из сил, я резко остановилась и упёрлась руками в колени. Чуть согнулась. Задыхаясь и поправляя растрёпанные рыжие волосы, я услышала дедушкин голос позади себя:

– Фина! Куда ты мчишься? Тебе нельзя так быстро бегать!

Конец мая и начало июня Фина проведет с бабушкой и дедушкой. Родители ее – Луффа и Марлотий. Они уехали отдыхать в литоральные леса пансионата «Лечебная Матудея». Вещей с собой они взяли немного. Коричневый чемодан Марлотия был наполовину занят вещами Луффы, среди которых можно было найти плетеную шляпку, белый вязаный платок бабушки и зеркальце, подаренное мужем. Обустроившись на нижней полке, Луффа дёргала за ниточку клубка Марлотия, тихо посмеиваясь и оголяя верхний ряд белоснежных зубов. Луффа и Марлотий познакомились незадолго до «вселенского снегопада», – чарующего и одновременно хлопотного явления здешних уголков природы. Их объединило общее занятие, которое впоследствии и до сих пор приносит им небывалую радость и зёрна существования. В полной тишине, между шелестом страниц и скрипом сту-

льев они обменивались робкими взглядами, восполнявшими в сердцах тоскливое одиночество чешуйчатой райской птицы. История началась примерно так:

Тридцать полок потёртых книг, скрипучие половицы, твёрдые стулья, звонящее эхо высоких потолков и невыветривающийся запах влажной и старой древесины. Эта библиотека была единственным убежищем гаснущих людей в окопах обыденной жизни. Протянув бледную руку с шершавой кожей ко второму тому произведения «Голос поэтессы», девушка в бледно-жёлтом платье кинула взгляд на летящие снежинки по ту сторону ветхого окна. «Пусть сегодня это и свершится!» – подумала она. Вернувшись за столик и откинув обложку книги, взгляд её в который раз остановился на вдумчивой позе молодого человека, волосы которого слегка свисали в неряшливой форме косога плетения. «Ладно, пока молча посижу и прочитаю», – продолжила беззвучный монолог девушка.

Шелест страниц книг различной тематики и ленивый звук задвигающихся стульев. Нарочито низкие потолки, которые сжимают твои ощущения и концентрируют впечатления от каждой строки и оборота очередного произведения писателей реалистов, символистов, романистов, натуралистов и других уникальных стилей литературы XX века. Гонка за ощущениями, погоня за количеством книг, состязание с богатством накопленных знаний и жажда заполучить всё и сразу, чтобы создать нечто по истине уникальное абсолютно со

всех точек зрения и вырваться далеко вперед, оставив после себя скромные сводки для круга людей озабоченного литературой. «Опять ты здесь, и я ловлю себя на мысли, что мне нравится наблюдать за тобой, фиксируя плавные движения тела твоего и пьянящую мимику лица», – думал молодой человек с вьющимися волосами.

Синхронно перелистывая страницы, незнакомка и незнакомец напротив коротали субботний день. На воскресенье планы у обоих чтецов были точь-в-точь такими же, как и на субботу: перелистывать страницы, коротать уходящие дни недели и предаваться плавным, а также быстротекучим размышлениям, в конце концов приводящим к записям на листе белой, а также розовой бумагам, добавляя к ним различные зарисовки снятых образов с бесконечно-текущей фантазии романтического толка.

– Молодые люди, – послышалось в дальнем углу комнаты. – Через пять минут библиотека закрывается. Дочитывайте и ступайте по домам. Мы и завтра работаем, но только до трех часов.

Это Бокья Потарофьевна. Дочь ныне ушедшего Потарофия. Крайне любезная девушка двадцати девяти лет. Библиотека перешла ей во владение сразу после смерти отца. Что удивительно, книг Бокья на дух не переносила. Она отдавала все свои силы и время на вязку и украшение одежды. Даже уголок в библиотеке оформила под магазинчик, где стала вывешивать свои лучшие работы. Будь то варежки,

носки или же мягкие, теплые шапки, разнообразие которых могло потягаться с выбором книг библиотеки. Шапки красные, шапки белые, шапки желтые и молочно-розовые. Острые деревянные спицы Бокьи были продолжением её тянувшихся вдаль пальцев.

Девушка в зале цепляла строчки мятых страниц как цепляет глазами пассажир паровоза проносящиеся мимо объекты. Сконцентрировано и быстро, постепенно перемещая взгляд вправо и резко возвращая его в начальную позицию – влево. Она хотела унести с собой больше, еще больше впечатлений и захватить с собой еще три, нет, четыре абзаца для размышлений в дорогу домой. Громко захлопнув книгу, девушка сложила руки, прикрыв пальцами бледный кулак.

– Даже с собой не возьмете? – раздался мягкий, мужской тембр.

Замерев с поднятой книгой в руках, незнакомка подняла голову и навела глаза на молодого человека, смотревшего на объект своего вожеления одновременно скромно, задумчиво и пространно. Затем она коротко улыбнулась, чуть показав кромки белых зубов, и медленно встала.

– Нет, – ответила девушка. – Дома меня ждут не менее интересные книги. А что вы читаете?

Незнакомец закрыл книгу, подложив на последнюю страницу большой палец левой руки. Пальцы его прикрыли автора, другие же мирно легли рядом и больше не двигались.

– Знаете? – отозвался молодой человек. – До сих пор не

найду своего автора. Кто мог бы так же прекрасно описывать окружение и преподносить обыденность как нечто более глубокое и многогранное, где витает миллион решений и тысячи развязок.

– Вы сейчас о ком-то конкретном?

– Я сейчас о идеальном писателе, которого, думаю, никогда не найду.

– По-вашему, Оскар Уайльд не гениален?

– Вы о его единственном романе?

– Читали его?

– Еще вчера закончил. Необычное произведение. Атмосферное.

Девушка кивнула и отвела взгляд в сторону. Затем сказала:

– Завтра здесь будете?

Молодой человек улыбнулся и вскинул указательный палец за спину девушки.

– Вам уже поздно уходить. Кажется, сегодня именно тот день. День «вселенского снегопада».

Девушка обернулась назад, представив взгляду молодого человека свою шею, затылок и уши. «Как же она прекрасна. Мне бы коснуться её шеи и ощутить волосы в своих руках», – подумал он. На её ухе он заметил маленькую родинку, спрятавшуюся во впадину мягкой тени. На свитере лежали две белые пылинки, словно прилетевшие к ней, чтобы согреться. Опустив взгляд ниже, молодой человек мысленно снял с де-

вушки свитер и закрыл глаза. Подняв веки, рядом с ним никого уже не было, только лишь слабый запах её тела или волос, нейтральный и притягательный, то ли цветочно-пепельный, то ли ежевично-смолистый.

Около окна, вглядываясь в последние проблески незанесенного стекла, стояли две женщины: молодая и постарше. Молодой человек стал неспешно оглядывать их, сравнивая кисти рук, представляя себя в их теле, мысленно прижимаясь к каждой, ощущая биение сильного сердца, несущего по организму теплую кровь. «Их ценности, вкусы, предпочтения и окраска голоса, природная мимика, мышление – все это отличается. Одна любит розовое, а другая только вчера поняла, что этот цвет безвкусен и даже более, не имеет прав на существование. Свитер. Разве он не колет её тело? Или ей это нравится?» – размышлял молодой человек.

– Надеюсь, что уже через пару часов мы будем откапывать входную дверь, – сказала Бокья Потарофьевна. – Этот снегопад безумен, словно голодный волк.

– Часто здесь такие метели? – спросила девушка.

Бокья улыбнулась и отвела голову, устремив взгляд в сторону молодого человека. Она продолжала улыбаться и словно хотела, чтобы в разговор вступил незнакомец.

– Ровно два раза в год, – наконец услышали дамы. – В марте и ноябре каждого года.

Это было хорошее начало знакомства Луффы и Марлотия. Теперь же вернемся в настоящее.

После проводов мамы и папы я вернулась домой, сняла туфли, поставила их на этажерку и помчалась вверх по лестнице, ритмично размахивая руками – для ускорения. Закрыв за собой двери, я упала лицом в подушку и стала плакать. На белой наволочке появились серые влажные пятна, контуры которых были похожи на кляксы или же недовольные облака, плачущие красками хмурых осенних дней.

Ноги мои отдохнули, слёзы сняли боль, и я решила перевернуться, уставившись глазами на прилежную подружку. Она тебя не обидит, не скажет плохого, а порой даже успокоит и выслушает, с сочувствием кивая клавишами под крышечкой. Тяжелое, черное пианино. Это был подарок для моей мамы. Бабушка подарила его на 20-летие дочери, когда решила, что звуки такого приятного для слуха музыкального инструмента благотворно повлияют на её внучку – будущую меня. К игре на пианино пристрастились все, включая бабушку и папу. Когда отец брал меня на руки и нашёптывал сказку, мелодия, струившаяся из под клавиш, убаюкивала и накрывала меня невидимым покрывалом медового сна, густого и сладкого, целебного и согревающего. Нажмёшь белую клавишу – выскочит ивовая волнянка – летающая пушинка с гребенчатыми усиками. Нажмёшь черную клавишу – вылетит филенор с длинными шпорами. С кружечкой чая в руках здесь не редко сидел мой дедушка Пихус. Белые клавиши для него – собачки – воспоминание молодости. Переворачивая кусочек лимона, дедушка смотрел на маленькую

меня, хотя сам он, по правде сказать, звал меня Гафинкой.

– Обед на столе! – послышалось снизу.

Моя бабушка Брюфа испекла оладьи и открыла банку сметаны. Поставила еще малиновое варенье, да заварила компот из яблок и груши. Когда я спустилась и прошла на кухню, дедушка заворачивал третий блин, отложив ложку на блюде.

– Как поешь, позвони тетё Клорьянте, – сказала бабушка Брюфа. – Она приготовила нам варенье из ревеня.

– Ягода такая? – поинтересовалась я.

– Вот бы нам самим знать, Гафинка, – добавил дедушка Пихус. – Спроси у тётки Клорьянты, что это за чудо такое, да с чем его есть можно. Надеюсь, что косточек там не будет, а то зубы мои...

– Зубы, зубы! – не выдержала бабушка Брюфа. – Тебе не пятнадцать, чтобы орехи грызть, так что не чванься!

– Да я ничего не говорю, а только рассказываю, что зубы не те уже, – сказал дедушка Пихус.

– Бабушка! – вдруг закричала я. – Можно мне пол банки? А всё остальное – ваше.

– Да ты его не пробовала даже! – возмутился дедушка.

История знакомства бабушки Брюфы и дедушки Пихуса начинается с двух белых собачек, одинаково гавкающих, до смешного изворотливых, прытких и как две капли воды похожих друг на друга, за исключением поджатого уха собачки Брюфы. Поджатого от чего – то оставалось загадкой.

Когда ливень Колурны ударил по мостовой с новой силой,

а зонты один за другим стреляли то влево, то вправо, а порой прямо вверх, выбрасывая старые капли дождя растворившегося в небе облака, под крышей кафе «Булочки на пару», принюхивались друг к другу две белые коренастые и низенькие собачки, с черными ошейниками и поводками цвета мокрой, осенней травы. Те немногие люди, кто успел занять своё место под крышей уютного кафе, незаметно и скромно поглядывали на собачек, кто-то даже улыбался и закрывал глаза, питаясь теплом знакомства белых бишонов. Что свойственно этой породе, обе собачки активно вертели поднятыми вверх хвостами, кружились вокруг ног хозяев и активно гавкали, кажется даже, в унисон.

В кафе освободился один столик. Девушка, державшая поводок юркой собачки, оглядела помещение уже порядком набившегося кофейного уголка и протиснулась меж двух высоченных мужчин в красных плащах, капли падавшие с которых успевали высохнуть и согреться, чтобы отправится обратно, в родные облака. Маленький бишон юркнул за дамой и, кажется, подмигнул напоследок другому бишону, оставив после себя некую недосказанность собачьего толка.

На удивление девушки, в кафе стояла приятная тишина. Каблуки посетителей мягко ступали на пол из липового дерева, белые керамические кружки с легким, не отвлекающим стуком возвращались на блюдца, а общий тон и громкость голосов на удивление придавали шарм этому кофейному заведению. Оглядывая деревянные столики и лица присутству-

ющих, девушка поймала взгляд официанта.

– Добрый вечер, – ответил молодой человек с модной причёской.

Он протянул девушке увесистое меню в виде книги и проводил её до свободного столика около окна с сиренью. Усевшись поудобнее и привязав собачку к ножке стула, девушка поправила челку и принялась изучать горячие блюда. Здесь была «Курица со сметаной и картофелем», «Свинина в кляре и рисом», «Макароны с сыром и молоком», а также пять видов супов и фирменное блюдо «Индейка с мёдом и апельсинами». Чуть пожившись на стуле и опустив глаза вниз, глядя на бишона, девушка перелистнула меню и глубоко вздохнула, с желанием снять напряжение будних дней. Когда официант, в виде невысокого блондина, подошел к девушке, дверь кафе вновь распахнулась и на коврике появился молодой человек с тем самым бишоном, который отличался от первого одним ухом. Не совершая ни один шаг вглубь кафе, молодой человек быстро окинул своим взглядом лица посетителей и плавно зашагал в сторону столика с сиренью. Совершив первый шаг, он заметил желтую маленькую сережку в правом ухе, после второго прошелся взглядом по пальцам левой руки и отметил серебряное кольцо, третий шаг на всю жизнь ознаменовался «Горячим кулоном», так как в тот момент, когда взгляд перешел от рук к груди, девушка за столиком с сиренью глубоко вдохнула, не прикрыла рот кистью и ненамеренно направила взгляд на свое украшение.

– Можно я присяду за ваш столик? – услышала мужской голос девушка с бишоном. – Мест, как видите, мало, а вы мне очень понравились.

– Соседний столик свободен, – отозвалась девушка.

– Он зарезервирован, – соврал молодой человек. – Со слов официанта этот столик скоро займет молодая пара.

– Это простое кафе, не несите чепуху, – продолжила девушка.

Тут подошел официант, уже в другом лице, и протянул меню молодому человеку. Добавил:

– Махните рукой, как выберете нужное.

Молодой человек легонько кивнул, открыл первую страницу и начал внимательно изучать блюда. Девушка еще с минуту подозрительно рассматривала наглого посетителя, собралась встать, но её опередил официант-блондин с небольшим подносом. Быстро расставив блюда, официант скрылся за посетителями.

– Вам лучше снять кольцо с безымянного пальца вашей руки, – вдруг оживился молодой человек. – В вашем случае ношение чего-либо на руках, запястье или пальцах будет плохо сказываться на позвоночнике.

Девушка машинально прикоснулась к кольцу и потерла свое запястье. Затем она молча взяла вилку и отправила в рот кусочек курицы. Прожевав, она с подозрением ответила молодому человеку:

– Вы врач?

– Нехирургический терапевт, – быстро ответил молодой человек. – Сегодня впервые увидел патологию, за лечение которой, признаюсь, братья пока не готов.

Девушка поправила блузку и нахмурила брови.

– Вы не обо мне сейчас говорите? Неужели я похожа на больную? Знаете, как часто я слышу в свой адрес пожелания о том, что мне надо набрать вес и плотнее завтракать?

– Вовсе не о вас, что вы, – сказал молодой человек.

Девушка сделала глоток клюквенного сока и легонько чихнула.

– Ну, знаете, – начала девушка. – А вас как зовут?

– Звать меня Пихус Шабьевич, – ответил молодой человек. – Кем же будете вы?

– Брюфа, – сказала девушка и сняла кольцо с безымянного пальца левой руки.

Именно так и прошло знакомство дедушки и бабушки.

Когда обеденная трапеза подошла к концу, бабушка Брюфа взяла с полки литровую стеклянную банку и положила её в сумку. На сумке этой красовался веселый паренек по имени Рейтузка-Капустка. История была такова, что однажды, в один февральский денек бабушка Брюфа решила соткать сумку. Обрезков и тканей побольше накопилось сполна, а нитки черные, красные и синие уже не влезали в картонную коробку, которая в уголках порвалась, да и дел, в общем-то у бабули не было. Рядом сидела я. В руках у меня был маленький мальчик Ритузка-Капустка. Я вырезала его

из журнала и назвала его в честь капусты садовой, да смешных рейтуз.

– Фина! – кричала бабушка. – Ты уже собралась? Надо сходить к тете Клорьянте за вареньем!

На втором этаже хлопнула дверь и один за другим слышались мои ритмичные отшагивания. Ступени лестницы в мою комнату были окрашены в цвета радуги. Первая ступенька – красная, последняя – фиолетовая. В соседней комнате жили мои родители. На первом этаже – бабушка и дедушка. На каждой стене, без исключения, висела картина или рисунок. Папа любил охоту и рыбалку – картина безымянного художника с глухарем в лесу. Мама обожала шитье – на кухне, над столом, висела сшитая желтая трясогузка.

– Бегу, бабушка! – кричала я.

Осторожно повесив сумочку с банкой на крючок, я принялась начищать свою обувь. Я давно выпрашивала у папы новые туфли. На этот раз это были коричневые невысокие «Тамарисы» с белыми кружочками на задинках. Счистив последнюю грязь, я положила щетку обратно на полку и посмотрелась в зеркало. Веснушек не прибавилось, лицо чуть подзагорело, особенно в области щек, а крапинки на носу так и не смылись даже после вчерашней бани. Мне постоянно говорили, что нос мой – папин, глаза – мамины, а веснушки, пока я спала, нарисовала бабочка Грета Ото. «Где же тогда я сама?» – у меня закрадывались подобные мысли.

Моя тетя – Клорьянта Рантальевна. Она уже давно не по-

являлась на своей предыдущей работе. Дедушка говорил, что тетя нашла свое любимое занятие, которое пусть и не приносит ей дорогие украшения, персидские ковры и почесть в глазах её соседки, но оно дарит ей огромное счастье. Моя тетя и правда не желала всего этого, а просто закатывала банки с ягодами, грибами, садовыми овощами, медом и даже вареньем из цветов, что ставило некоторых её покупателей в ступор, после чего они все же брали одну-другую банку, например, фиалковое варенье. «Нежное лакомство», – говорила тетя Клорьянта. И никто другой, как парнишка дома напротив так не любил аромата витающих лепестков ромашек, улетающих все выше и выше, отколовшихся от маленьких солнышек в лимонном соку.

– Ромашки! – кричал он. – Невероятные запахи!

Аромат цветов и правда расстилался по всему саду, меняя свое направление, повинуюсь летнему ветру.

Чтобы хоть как-то сдерживать порой и специфичный запах от варки, тетя Клорьянта закрывала заслонку своей печи, которая посвистывала и хлопала створками.

Добраться до дома тети – проще простого. Я выбрала длинный путь, где обычно лежал и потягивался «наш» дворовый кот с белым перышком на конце хвостика. Его излюбленное место – на лавочке около центрального колодца, куда постоянно заглядывало солнце, описывало лучами каждую дощечку лавочки и неспешно скользило вниз по склону к зеленой опушке. Кот, при виде меня, лениво выгнулся, соско-

чил с лавки и устремился к моим ногам. Он блаженно кружил между моих ног, держа хвост поднятым. Пару раз сказал «мяу» и был таков. Я последовала за ним и уселась на горячую лавку. «Неужели коту здесь не жарко?» – подумала я. Погладив пушистого по спинке, я вымыла руки и выпила воды прямо из крана колодца. Вода была холодной, поэтому я согрела ее во рту и только потом проглотила. На языке остался железный привкус.

Что интересно, именно около колодца со мной случались забавные истории. Я, будто ожидая очередное событие, вернулась на лавку к коту с белым перышком и закрыла глаза. Как долго я так сидела – не знаю сама, правда. Спустя какое-то время, может, в три оборота кота, я услышала звуки колес и крики мальчишек. «Догоню тебя!» – кричал первый мальчишка. «Даже и не мечтай, торопыга!» – услышала я голос второго мальчика. Открывать глаза я не стала, но мне показалось, что это были мои одноклассники – Фетула и Фигго. Веселые ребяташки. Мне нравится Фетула. Он не такой классный, как Фигго, но я находила в нем утешение и внутреннее спокойствие. Впрочем, о мальчиках я думала совсем немного – времени на это не было: уроки, игра на пианино, уборка по дому и моя любимая подруга – Монойка. Открыв глаза, я вспомнила про варенье.

Если бы я выбрала короткий путь до дома тети Клорьянты, то заглянула бы к своей подруге. Но мне захотелось навестить кота и кинуть камешек в пруд. Еще немного покачать-

ся на моих любимых качелях, которые, к моей тоске, никто никогда не занимал. Я думала, что как только меня заметили на них, все сразу от них и отстранились. И это не единственное мое подозрение – у меня их много, это я точно знаю.

Посидев еще пару минут на горячей лавке, почесав за ухом кота и снова вымыв руки, я отправилась дальше – кинуть камешек в пруд. Когда я добралась до водоема и подыскала плоский камень, меня что-то сильно ударило в голову. Я не успела ухватиться за борт лестницы и, упав на попу, чуть не разбила банку – раздался громкий и глухой звук «Тунь!». Потерев голову, я ощутила легкое головокружение. Рядом никого не было, никто не смеялся. Сославшись на солнечный удар, я поднялась на ноги, отряхнула юбку и подняла свой камень. На нем была какая-то слизь. «Очень похоже на слизь животного, будто лягушка спала на этом камешке», – подумала я. После удачного блинчика в шесть отскоков, ко мне подкатил Фетула.

– Куда идешь? – поинтересовался он. – Подвезти тебя?

Я засмушалась и ответила, что лучше доберусь сама, так как хочется побыть одной. После моих слов Фетула устоял на свое переднее колесо и чуть приоткрыл рот, будто попал под гипноз. Часто такое с ним случалось. Сколько знаю его – не перестаю наслаждаться его туманным взглядом и отсутствующим лицом.

– Ну... Я тогда пойду? – не поднимая глаз сказал Фетула.

– Хорошо, – отозвалась я. – Увидимся.

У меня участилось сердцебиение, и я поспешно скрылась за ближайшим домом, за которым находилась игровая площадка с одинокой качелей.

Здесь я встретила ребятишек и их родителей. Еще лающих собак. У кого белая собачка, у кого черная, коричневая и серая, а я всегда мечтала о пуделе. Видела их только на открытках. Мне нравятся их пышные уши. «У них там жировые запасы?» – думала я.

Сев на качели и поставив сумку с банкой на чистый участок дорожки, я закрыла глаза и принялась за старое, но временем проверенное развлечение. Было ли это развлечение такое же, как, например, лазание по горам или сплав по реке? Поедание сладкой кукурузы или рассматривание окрасок океанских рыб? Я слышала однажды, что люди могут получать удовольствие просто от того, что остаются наедине с собой. Они погружаются в свои мысли и что-то пытаются там отыскать. Блуждают по темной пещере с фонариком в поисках клада. Я же думала о беззвучном звуке. Размышляю о нем уже во второй раз и все больше мне кажется, что меня обманывают. Я обличаю его в форму невидимой большой картошки, которая меняет форму, а потом вовсе исчезает. Отталкиваю ее и притягиваю обратно. Проверяю свои уши – все прекрасно слышно. Когда я глажу себя по краям уха, то слышу привычный шорох, а беззвучный звук остается беззвучным. О таких практиках мне рассказывал Фетула. Тот мальчик, которого я отшила пять минут назад. «Помню

только автора – Ошо», – говорил он. «Интересное имя», – думала я.

Когда мой рассудок превратился в невнятную смесь, я открыла глаза и уставилась глазами прямо по курсу. Куда смотрели мои глаза – не знаю. Я видела перед собой красные и синие цвета, переплетение труб и лакированные доски. Названия вылетели из головы, я отдыхала, а за спиной у меня все так же кричали маленькие ребятишки и лаяли собаки. У кого серая собака, у кого белая. «Вовсе я не зря сюда села, надо и покачаться», – сказала я про себя. Оттолкнувшись от земли, я наклонилась назад и крепко вцепилась в веревки качелей. Затем я подалась вперед и подняла ноги. Качалась недолго. У меня закружилась голова и я остановилась. Поправила волосы, встала и пригладила юбку. Взяла сумку, отряхнула ее от пыли и отправилась дальше. Крыша дома моей тети ознаменовалась зеленым цветом, оттенка травы после сильного ливня.

– Ты рано пришла, Фина, – проговорила тетя Клорьянта. – Проходи, да присаживайся за кухонный стол. Через пару минут будет готов пирог. Можешь поставить банку на стол и открыть крышку. Варенья получилось больше, чем я думала. Оно пока бурлит, а тревожить его я не хочу – вкус испортится. Ты голодна?

Я села на стул и огляделась вокруг.

– Дома поела, спасибо, – ответила я.

Тетя уловила мой взгляд и продолжила:

– Заметила мои новые обои? Это я вчера поклеила. Закончила только к ночи, устала вся и даже голову не успела вымыть – сразу улеглась в кровать и уснула.

– Красивые, – отозвалась я.

– Долго их выбирала, – сказала тетя. – Нашла в магазине подходящий рисунок и цвет, но рулонов совсем мало было, поэтому, пришлось ехать в другой конец города – в торговый центр «Домашний уют».

Наконец, тетя достала противень с пирогом из духовки и, надев толстые рукавицы, переставила кастрюлю с готовым вареньем на соседний столик. Кухня у тети большая, даже больше, чем наша, а наша кухня, по правде сказать, больше, чем кухня моей подруги Монойки. Целых пять столов уместилось на этой кухне. Не веря своим глазам, я каждый раз рассматривала и понимала, что лишний стол здесь не найдется. Основной стол значился для приема пищи. За ним сидела я, подперев подбородок двумя руками. Волосы я перекинула через плечо и тихонько поглаживала их. Стол второй и третий надобились для приготовления блюд и резки овощей и фруктов, рубки мяса. Четвертый стол как аксессуар – на нем стояли цветы и кактусы, поделки из глины и корзиночки с гербариями. На пятом столе тетя держала часто используемые варенья, грибы и листья ягод. Еще мед стоял – банка на банке. Что было в шкафах, которые, словно картины в музее живописи были развешаны вдоль и поперек стен кухни – оставалось загадкой. Не часто я посещала тетю Клорьянту,

но видела, как из одного такого шкафа она однажды достала длинную банку с тянущейся пастой – мне так показалось.

– А вот и пирог, – сказала тетя Клорьянта, разгибая спину и поворачиваясь ко мне передом. Сняв испачканный зеленый фартук, с заплаткой на правом боку, тетя взяла нож в руки и стала нарезать его на ровные квадраты.

– Как успехи в школе? – поинтересовалась тетя, придав своему лицу явно заинтересованный вид.

Я невольно подняла брови и начала вспоминать последнюю учебную неделю.

– Вчера получила четверку по геометрии.

Тетя сделал ртом букву «о» и переспросила:

– Четверку?

Затем продолжила:

– Ведь ты хорошистка, или, даже отличница? Почему четверку? Мама с папой знают?

– Они сегодня уехали отдыхать, – ответила я.

Тетя повернула голову в мою сторону.

– Вот те на! И надолго?

– Сказали, что приедут восьмого числа.

Повисло молчание. Слышен был только звук ломающейся корочки торта и стук настенных часов.

– Получается, что на две недели? – нарушила тишину тетя.

Я молча кивнула.

– Налей молока в чашку и ешь торт, – сказала тетя и быст-

ро удалилась из кухни.

Глубоко вздохнув и выпустив воздух через зубы, я взяла с полки самую красивую кружку – мою любимую – белую с черным котом. Достала из холодильника кувшин и до каемки налила молока. Торт оказался неистово горяч, из-за чего я чуть не раскрошила его и еле успела подставить тарелку. «Пронесло», – промелькнуло в моей голове.

На второй кусок торта в дом постучались. Было слышно три отрывистых и громких удара. Тети по-прежнему не было. Допив молоко и слизав крошки с каемки чашки, я направилась в гостиную. Полы были на удивление холодные – не как обычно. Сев на большой диван цвета лягушки, я взяла рядом стоявшую книгу и осторожно раскрыла ее. «Лютик азиатский, – читала я про себя. – Травянистое садовое растение рода лютиковых». Перевернув страницу, я продолжила: «Красильная шелковица. Цветки мелкие, засухоустойчива, растет быстро». На третьей странице меня встретил еще более чудный гербарий, но, услышав тетин голос, я закрыла книгу и вернулась на кухню.

Тетя быстро прошла мимо меня, взяла в руки нож и распоролла им большой конверт. Достала из него желтый лист и какой-то кулечек.

– Наконец-то пришел мой заказ, – обмолвилась тетя. – Семена гладианта.

Заметив мое непонимающее лицо, она добавила:

– Вырастут красные огурцы.

Я пощурилась и состроила кислую мину. Перебросившись еще парой слов, я поблагодарила тетю, мы с ней крепко обнялись, так что кости затрещали, закинула банку за плечо и пошла домой. Уже вечерело, поэтому я ускорила шаг и уже через десять минут была дома. Бабушка, как я и ожидала, накинулась на банку с гостинцами и разделила варенье на две части. Первую часть унесла в погреб, а вторую поставила на стол и позвала дедушку на чай, привычно крикнув:

– Варенье на столе!

Потом взяла паузу и снова крикнула:

– Чай стынет!

Хотя никакого чая еще не было, с дальнего конца комнаты послышался шум газеты и на пороге появился дедушка Пихус. Варенье и правда оказалось вкусным. Я намазала его на кусочек батона и откусила половину.

– Смотри, не лопни, – посмеялся дедушка. – Мне тебя потом по частям собирать придется.

Наступил второй выходной день – воскресенье. Субботняя радость осталась позади, у меня был всего один праздничный день до начала новой учебной недели, поэтому, отметив на часах двенадцать утра, я не могла встать с постели – хотелось растянуть сон до бесконечности, поселиться в нем, может, на всю свою жизнь, или же остаться в нем до момента полного разочарования, чтобы контраст между явью и потусторонним миром не казался таким многообещающим.

Мне опять приснилось пианино. Жуткая его форма. Осо-

бенно страшно мне становилось, когда я просыпалась в полной тьме и не могла различить форму настоящего пианино, его цвет, рисунок на боковых стенках, а педальные лапки я и вовсе не видела – темнота поглощала их. Вскочила бы я утром, все было бы гораздо лучше. Дело в том, что мое пианино нельзя назвать страшным или мерзким. Оно выкрашено в приятный желтый цвет, по форме напоминает типичный шкаф с одеждой, а бабочки на стенках и крышке придают ему легкость. Если открывать крышку очень медленно, то создается впечатление, будто ее поднимают крылатые красавицы. Я бы никогда не подумала, что такой инструмент может как-то напугать или навести панику, загнать тебя в угол и заставить дрожать.

Поднявшись с постели и заправив одеяло, я подошла ко столу и подняла с него рисунок. Кто сразу посмотрит, и не подумает, что здесь изображено пианино. Скорее, на рисунке зиял огромный черный квадрат с пятью ногами и тремя ручищами. Вместо лапок у черного пианино были острые струны, которые переплетались между собой и издавали неприятные звуки. Крышка была всегда открыта, а вместо клавиш торчали человеческие пальцы. Чтобы хоть как-то успокоиться, я, после первой же ночи, сделала набросок этого пианино. Сейчас у меня в руках была последняя версия. Кажется, это был уже пятый рисунок. Недавно я добавила к нему деталь – маленького человечка. Он был пришит к ноге пианино. Я заметила его, когда в поисках безопасного

места споткнулась и упала лицом в траву, обернулась и уставилась на чьи-то ботинки. Лица я не различила, потому что этот кто-то сразу отвернулся и начал кашлять, будто чем-то болел.

Положив рисунок на стол, я подошла к окну и забежала глазами по привычным крышам домов, по дорогам и тропинкам, по деревьям, по машинам, и наткнулась на стайку голубей в луже. Их было шесть или семь штук – было сложно сосчитать. Они прыгали и размахивали крыльями – сбивали мой счет. «Значит, ночью и правда был дождь», – пронеслось у меня в голове. Тот голубь, что не шевелился и смотрел вдаль, осторожно шевеля крылышком, спрятал у себя под перьями желтый лист. «Забился он туда, что ли?» – подумала я. Птицы плескались и громко ворковали. Звуков я не слышала, но через бинокль явно было видно, как вибрируют их шеи.

Ближе к одиннадцати я приняла душ, смыв с себя вчерашние хлопоты, высушила волосы, надела новую рубашку, сменила белье. На кухне, как обычно, стояла тишина. Дедушка с бабушкой просыпались поздно, бывало, даже, весь день спят, тихо похрапывая. На завтрак я съела половинку апельсина, замешала кукурузные хлопья в молоке и выпила чаю. Почистив зубы и подровняв брови, я отправилась к Монойке.

Жила Монойка совсем рядом. Если бы не дурацкий соседский дом, я могла бы запросто наблюдать за ее окном че-

рез свой бинокль. Я никогда и никому не рассказывала про слежки. Да и необходимости, наверное, не было.

Бинокль мне достался от деда. Это была суровая, военная штука. О себе дедушка никогда не рассказывал, видимо, не хотел вспоминать тяжелые времена. Единственное, что осталось у него после тех времен – этот тяжеленный большой бинокль. Раньше он лежал далеко на полке, на кухне. Никого не спросив, я перенесла его к себе в комнату. Так до сих пор никто и словом не обмолвился. Дедушка, когда бывал в моей комнате, краем глаза все же подмечал свой трофей, но на том дело и заканчивалось. Следила я за людьми, кошками и собаками. Иногда и за птицами, но они, обычно, на местах не задерживались, поэтому я была к ним равнодушна. «Лети, раз хочешь», – провожала я их. Порой мне казалось, что люди видят меня, замечают и злятся, а это, несмотря на то, что живу я в неприметном доме и выглядываю через щелочку в плотной занавеске.

Но давайте вернемся к моей подруге. Я ведь к ней сейчас иду. Вернее, уже пришла.

– Никак спешила? – проговорила Монойка, закрывая за мной дверь.

Меня встретило ведро со свисающей тряпкой, губка с пеной и лужа воды. Нужно было срочно переместиться на чистое и сухое место, поэтому, я быстро сняла «Тамарисы» и поскакала к дивану. Плюхнулась на него и обняла подушку. Закрыв глаза, вдохнула ее запах и придвинулась ближе

к стене. Уперлась спиной и выпрямила ноги. «Все, теперь я никому не мешаю, мне хорошо», – успокоила я себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.